

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Теологический поворот в философии

Ветушинский Александр Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: sanitys@mail.ru

В проблемном поле современности постсекулярность заняла почетное место. Игнорировать полемику, которая сегодня разворачивается вокруг данного сюжета уже практически невозможно, а обсуждения постсекулярных обществ, возможностей построения нового диалога между различными культурами и религиями, а также радикальных трансформаций в соотношении религиозного и светского, свидетелями которых все мы являемся, становятся все более привычными внутри академической среды. Однако, многие теоретики постсекулярных обществ (например, Хабермас [7]), работающие с постсекулярностью, как с социологическим или политологическим термином, за этими трансформациями далеко не всегда готовы распознать изменения в самом мышлении, в том способе, каким мы воспринимаем мир и свое место в мире.

В противовес такому пониманию постсекулярности, другие теоретики [см. 6] настаивают на том, что сама философия, трансформировавшись в постсекулярную, перестала быть секулярной, а, значит, ставка Хабермаса на стратегию границ и разграничений (где важнейшая – граница между верой и знанием, обоснованная исходя из секулярности), является ошибочной изначально. Действительно, даже сама возможность опознания современного общества как постсекулярного не в последнюю очередь связана с теми философскими предпосылками и основаниями, без которых разговор о постсекулярном не был бы даже начат. Ведь осознание ситуации постсекулярности началось как раз после того, как – то ли по причине изначальной ошибочности, то ли по причине поспешных выводов – стали разрушаться теории секуляризации, утверждавшие, что «модернизация и секуляризация всегда идут рука об руку – чем больше одного, тем больше другого» [6, с. 3]. Поэтому подчеркивать важность проведенной в Новое время границы между философией и теологией тогда, когда эта граница показала собственную неоднозначность и неопределенность, значит делать шаг назад. Ведь сегодня, когда такие мыслители, как Бадью [2] или Жижек [3] уже реализуют – причем довольно-таки успешно – стратегию такого способа философствования, в рамках которого понять, где кончается философия, а начинается теология, уже невозможно, такой шаг назад представляется не только несвоевременным, но и несовременным (в смысле верности проекту Модерна). Эта невозможность отделить философию от теологии и теологию от философии и есть та ситуация, которую Жанико обозначил как теологический поворот [8].

Возвращаясь к постсекулярности, стоит указать, что то, как мы понимаем постсекулярное, напрямую зависит от того, как мы понимаем секулярное. Однако, несмотря на то, что термин *saeculum* использовался уже Августином [см. 6], постсекулярность, как правило, отсылает к современному, то есть новоевропейскому, пониманию секулярности. В таком случае, если вооружиться моделью Латура [5], можно заявить, что проект секуляризации, результатом разворачивания которого стало определенное разграниче-

ние религиозного и светского, не был завершен, несмотря на то, что представители данного проекта начали вести себя так, как если бы он уже завершился. В этом смысле, постсекулярность является реакцией на незавершенность секуляризации как проекта. Представители же радикальной ортодоксии [см. 9] вообще предлагают проект создания новой современности, указывая, что новоевропейское представление об автономности природы и человеческого разума имеет именно теологические основания. То есть дело не в том, что люди эпохи секуляризации перестали верить, а в том, что они стали верить в то, что больше ни во что не верят (речь идет о наращивании порядков рефлексии [см. 4]).

В любом случае, поворот к теологии – это необязательно поворот к религии. Ведь и религия, будучи в некотором смысле продуктом Нового времени, в условиях постсекулярности теряет свое философское основание. В центре постсекулярной философии, таким образом, оказывается вопрос о тех метафизических положениях, которые лежат в основе мышления, то есть вопрос об основании (а этот вопрос, конечно же, отсылает в том числе и к современному кризису критических проектов). Последнее может быть использовано в качестве аргумента в пользу тезиса о том, что теологический поворот в философии – это реактуализация греческого философского истока (хотя философия этот исток никогда не покидала и вопрос о началах на протяжении всей, даже критической, традиции содержался в ней имплицитно). То есть само слово «теология» совсем необязательно должно отсылать к теологии в современном смысле (как богословию), оно может быть понято и исходя из того смысла, который вложил в него Аристотель. Теология как первая философия, или метафизика [1].

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1975.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М., СПб., 1999.
3. Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М., 1999.
4. Кузнецов В. Мир единства. М., 2010.
5. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
6. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. 3.
7. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1–2 // Российская философская газета. 2008. 4 (18), 5 (19).
8. Janicaud D. The Theological Turn of French Phenomenology // Phenomenology and the «Theological Turn»: the French Debate. N.Y., 2000.
9. Milbank J., Pickstock C., Ward G. Radical Orthodoxy: A New Theology. London, 1999.